

Отзыв официального оппонента

на диссертацию Владимира Толтаевича Тепкеева «Российское государство и калмыки: проблемы политических взаимоотношений в XVII – первой четверти XVIII века», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация В.Т. Тепкеева «Российское государство и калмыки: проблемы политических взаимоотношений в XVII – первой четверти XVIII века» – обобщающее исследование, посвященное анализу политического взаимодействия Российского государства и калмыков. Процесс формирования и становления Российской империи как полиэтничного и многоконфессионального государства в последнее время приобретает первостепенное значение. Ценность диссертационной работы состоит в том, что представлен взгляд на историю интеграции народа в состав государства без применения насильственных средств на основе большого массива архивных документов, в том числе на языке оригиналов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Думается, что отечественные и зарубежные работы по политическим взаимоотношениям кочевых народов, будут отныне учитывать вклад В.Т. Тепкеева.

Надо отметить, что в российской истории политические взаимоотношения интегрированных народов исследуются в целом ряде работ, однако в настоящее время именно этот аспект актуализируется в связи с «общегосударственными интересами...и стратегическими задачами в области национальной политики» (с. 3).

Появление калмыков в пределах Российского государства, осуществление ими военно-оборонительных задач на южных границах, наличие автономии в форме ханства обусловили решение диссертантом широкого спектра проблем, связанных с анализом процесса адаптации кочевников в новых политических и социокультурных условиях, их

интеграции в российское общество на фоне реализации внутренней и внешней политики государства. Именно поэтому взвешенный и объективный анализ вхождения калмыков в состав России, выстраивание отношений с центральной властью обусловил «научную инвентаризацию» ранее собранных сведений и до сих пор не утратил своей актуальности. Достоинством представленного к защите диссертационного исследования является то, что проблема политических взаимоотношений Российского государства и калмыков анализируется на широком историческом фоне.

Структура работы соответствует целям и задачам и логически из них вытекает. Рецензируемая работа состоит из введения, пяти глав (14 параграфов), заключения, списка источников и литературы. Содержание диссертации в целом соответствует достижению диссертантом цели исследования.

Во Введении должным образом обосновываются все необходимые для диссертационного исследования положения: актуальность, цель, задачи, научная новизна, объект и предмет исследования, теоретическая и практическая значимость, методология и методы исследования и др. (с. 3–20).

Хронологические рамки исследования ограничены XVII – первой четвертью XVIII в., что вполне корректно и отвечает заданному исследованию: нижняя граница «обусловлена началом миграции этнополитического объединения ойратов/калмыков из Центральной Азии на территорию Западной Сибири и первыми русско-ойратскими посольскими контактами в начале XVII в.»; верхняя – «периодом наивысшего политического взаимодействия калмыцкой правящей знати и Российского государства» (с. 4). Цель диссертации определена четко – анализ «политических проблем во взаимоотношениях калмыков с Российским государством в XVII – первой четверти XVIII в. и изучение опыта их разрешения в многообразии подходов». Для реализации поставленной цели диссертант решает задачи, которые существенно расширяют поле

исследования (с. 6–7). Научная новизна и оригинальность диссертации очевидны; как отмечает сам исследователь, это «комплексное, всестороннее и детальное историческое исследование проблемы политических взаимоотношений калмыков с Российским государством в XVII – первой четверти XVIII в., основанное на значительном корпусе источников, впервые вводимых в научный оборот». Основные положения, выносимые на защиту, состоят из 12 пунктов и охватывают наиболее существенные достижения исследования (с. 10–17). Следует отметить, что во Введении автор заявил о им разработанной им «концепции образования ойратских этнополитических группировок в XVII в.» (с. 7), однако в тексте диссертации нет цельного вывода разработанной концепции.

В плане теоретической и практической значимости диссертации важно, что научные положения и выводы соискателя могут быть использованы в дальнейшей разработке национальной политики Российского государства на ее региональном уровне, актуальных в настоящее время. Материалы диссертационного исследования могут быть также применимы в дальнейшей разработке проблем этнического, политического, культурологического развития кочевых сообществ в целом, а также преподавании курсов по отечественной истории, в частности истории Калмыкии, семинаров, спецкурсов по истории Калмыцкого ханства и номадов, в частности. Таким образом, теоретическая и практическая значимость исследования не вызывает сомнения. Не вызывает возражений методология исследования, изложение материала соответствует достижению поставленной цели и решению поставленных задач.

Исследование прошло убедительную апробацию. Содержание диссертационной работы отражено в 61 научной публикации автора (объемом 138,4 п.л.): четырех монографиях, 21 статье, включенных в Перечень научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для опубликования результатов научных исследований, 36 публикаций – в других изданиях.

Первая глава «Историография и источники» включает два параграфа (с. 23–49) и представляет собой анализ работ дореволюционных, советских и постсоветских авторов и солидный обзор источников. Суммируя работы дореволюционных авторов, В.Т. Тепкеев отмечает, что ими не было создано «обобщающего труда по истории калмыков, охватывающего в комплексе все крупные политические проблемы калмыцкой истории... не удалось выработать правильную оценку характера и хода русско-калмыцких отношений в XVII – первой четверти XVIII в (с. 31). Несмотря на то что большой комплекс источников, в том числе калмыцких, официальных документов остались вне поля зрения дореволюционных авторов, их заслуга состоит в «накоплении фактического материала и введении в научный оборот ранее неизвестных источников» (с. 31). Однако хотелось бы обратить внимание диссертанта, когда он пишет о публикации В.М. Бакунина «Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев», «события XVII в. отражены весьма поверхностно» (с. 25). Данное утверждение необходимо подкрепить конкретными доказательствами. Далее, если В.Т. Тепкеев считает, что Бакунин ошибся с периодом прихода на Волгу (т.е. к 1673–1674 гг.) дербетского тайши Солом-Церена (досадная неточность в отсылке на работу Бакунина – с. 25, а не с. 26), и апеллирует к русским архивным документам, то неплохо бы дать ссылку на эти документы или указать архивы. Анализируя публикацию М.Г. Новолетова «Калмыки. Исторический очерк» (1884), диссертант пишет: «пребывание калмыков в России он (М.Г. Новолетов) разделил на два периода» (с. 27). Однако в данной работе Новолетов пребывание калмыков в России делит на четыре периода¹.

В отношении публикаций советского периода отмечу, что диссертант достаточно подробно исследовал работы, однако не хватает их критического разбора; в частности, работ тех исследователей, кто непосредственно занимался политической историей Калмыцкого ханства, а именно

---

¹Новолетов М.Г. Калмыки. Исторический очерк. СПб., 1884. С. 6–7.

публикации М.М. Батмаева, А. В. Цюрюмова (с. 39–41). Отрадно, что автор уделяет должное критическое внимание исследованиям зарубежных авторов: М. Курана, Д. Мияваки, М. Ходарковского, а также малоизвестной российским ученым публикации монгольской исследовательницы – О. Болормаа.

Второй параграф первой главы посвящен рассмотрению солидной базы как опубликованных, так и не опубликованных источников (с. 49–61). Источниковая база репрезентативна и является результатом профессиональных интересов автора, лично в течение ряда лет занимавшегося в федеральных (РГАДА, АВПРИ) и региональных архивах (НА РК), а также в научном архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН. Конкретные материалы, собранные по крупицам из разных источников, систематизированные и представленные В.Т. Тепкеевым в работе, позволили ему предложить системное исследование, отмечаются как достижения, так и неудачи политических взаимоотношений. Безусловно, эта часть работы может быть определена как несомненный успех диссертанта. Автор исследовал обширный круг источников, без чего невозможно получение нового знания. Безусловно, это позволило ввести в научный оборот новые, неиспользованные предшественниками оригинальные материалы, привести в систему многочисленные сведения: как результаты исследований предшественников, так и различного вида источников. Это относится к выявлению и введению впервые в научный оборот письма калмыцкого тайши Лузана московскому царю Михаилу Федоровичу, датированное 1642 г., и «является самым ранним письменным свидетельством русско-калмыцких отношений» (с. 53). Следует отметить обращение диссертанта к калмыцким историко-генеалогическим сочинениям XVIII–XIX вв.: «История дурбэн-ойратов» Габан Шарaba, «История дурбэн-ойратов» Батур-Убаши Тюменя, «Краткая история калмыцких ханов» и «История Хо-Урлюка» анонимных авторов, которые существенно дополняют архивные материалы (с. 60). Все эти источники позволили автору создать

живую картину реальной деятельности государства и калмыцкого общества в XVII – первой четверти XVIII века.

Вторая глава «Российское государство и калмыки на начальном этапе взаимоотношений» охватывает первую половину XVII в., состоит из четырех параграфов (с. 62–180). В первом параграфе (2.1.) исследуются русско-калмыцкие отношения в Западной Сибири и Северном Прикаспии в XVII в. К сожалению, автор специально не рассматривает «различные точки зрения» на причины откочевки ойратов, а лишь «ограничивается краткими замечаниями» (с. 62). А ведь именно этот вопрос является важным, можно сказать прологом, в рассмотрении, как заявлено в названии диссертации, политических взаимоотношений Российского государства и калмыков в обозначенный период. Автор выделяет и подтверждает архивными материалами четыре основные причины миграции ойратов: экологическую, внешнеполитическую, экономическую, внутривосточную (с. 62–64). Проведенный диссертантом анализ событий начала XVII в. совершенно очевидно показывает, что 1607–1609 гг. положили только «начало установлению русско-калмыцких отношений», а не «официального вхождения калмыцкого народа в состав России» (с. 74). В 20–30-е гг. XVII в. прикаспийские степи рассматривались в качестве основного места поселения группировкой дербетского Далай-Батура, однако из-за запрета царской администрации такого разрешения не было получено. И только в конце 1630 г. на обширные просторы Северного Прикаспия пришли торгуты Хо-Урлюка, которые и «положили начало образованию отдельных группировок калмыцких улусов, а впоследствии – Калмыцкого ханства» (с. 86–87).

Появление и расположение калмыцких улусов вблизи Астрахани в 1630-е годы (параграф 2.2.) свидетельствует о непростых, порой враждебных отношениях с местным населением, прежде всего с ногайцами (с. 99, 100). На неоднократные призывы Москвы удалиться калмыцкие тайши, в частности Дайчин отвечал, что эти земли «искони вечные природные и калмыцкие места», а сами калмыки – чингисхановы потомки – «дети Чингиса» (с. 101,

103). Попыткой разрешения спора явилось предложение провести русско-калмыцкий съезд, который «не привел к единому мнению», а «предъявляемые условия с обеих сторон оказались не приемлемы» (с. 103). Тем не менее это не мешало калмыцким тайшам «использовать переговоры в своих экономических интересах» (с. 107), к концу 1630 г. наступило относительное затишье в отношениях, хотя и «случались мелкие стычки» (с. 107). Следующие два параграфа (2.3 и 2.4) второй главы посвящены политическому кризису и его преодолению в русско-калмыцких отношениях в 1640-е годы и связаны единой темой. Именно поэтому, на мой взгляд, их следовало бы объединить.

В параграфе 2.4 «Преодоление политического кризиса в русско-калмыцких отношениях» «первый конфликт религиозного оттенка», связанный с крещением пленных калмыков и нежеланием властей возвращать их тайшам автор относит к 1649 г. (с. 153–154). Отмечу, что это были не только первые сведения о крещении калмыков (автор не сообщает, были ли данные случаи крещения калмыков добровольными или принудительными), но и единичные, принципиально в тот период не влиявшие на русско-калмыцкие взаимоотношения в целом. Впервые о крещеных калмыках говорится в шерти 1673 г., т.е. христианизация калмыков была оформлена юридически, хотя сам процесс начался задолго до 70-х гг. XVII в. Попутно отмечу, что в задачах диссертационного исследования одним из пунктов вынесено «рассмотрение начального этапа христианизации калмыков как одна из проблем в русско-калмыцких отношениях» (с. 6). Однако сама проблема христианизации калмыков (в данном случае, его начальный этап), если не ключевая, но важная с точки зрения взаимоотношений, рассеяна по всему тексту диссертации (с. 206, 236, 261, 262, 433). Вопрос этот постоянно фигурировал в переговорах (шерти 1673, 1677, 1683, 1697 и др. годы). Законодательные акты XVIII в. подтверждают значимость развития не только военных и политических отношений между Россией и Калмыцким ханством, но и экономических.

Экономическими мерами правительство старалось компенсировать потери калмыцкой элиты, связанные с переходом части ее подданных в православие. Российские власти проводили целенаправленную политику христианизации, в том числе и калмыков. Этот существенный аспект – христианизацию калмыков – следовало бы вынести в отдельный параграф.

Новые фактические данные, почерпнутые из архивных источников, позволили автору сделать следующие выводы: общеойратская война 1625–1630 гг. явилась предпосылкой первых поселений калмыков в степях Прикаспия; «в авангарде ойратской миграции были не торгуты Хо-Урлюка (хотя именно эта точка зрения превалировала. – *К.О.*), а хошутские улусы под началом Чокура и его соратников» (с. 176); торгутские улусы Хо-Урлюка и Дайчина появляются в степях Северного Прикаспия только в конце 1630 г., причем «идейным вдохновителем» миграции торгутов был старший сын Хо-Урлюка – Дайчин (с. 177); подтверждается, что в 20–30-х гг. XVII в. калмыцкие улусы так и не смогли окончательно укорениться в этом регионе России.

Третья глава «Вхождение калмыков в состав Российского государства» охватывает период урегулирования русско-калмыцких отношений, участия калмыков в русско-польской войне 1654–1667 гг., русско-калмыцких отношений в 1662–1672 гг. и политического кризиса на юге России (с. 181–250). Важнейшим положением данной главы является активизация русско-калмыцких отношений на качественно ином уровне в связи с русско-польской войной 1654 г. Политической основой вступления калмыков в войну послужили заключение шертей в 1655 и 1657 гг. Шерть 1655 г. рассматривалась как соглашение между русской и калмыцкой сторонами о мире и военном сотрудничестве без оговорок сроков его действия и, главное, не разрешала территориальный вопрос (с. 194). На основании русских архивных материалов калмыки в результате набегов башкир и саратовцев на пограничные калмыцкие улусы так и не смогли активно включиться в военную кампанию против Речи Посполитой (с. 197). И только заключение

двух шертей в 1661 г. позволили калмыкам включиться в военные действия, а именно своей стремительной калмыцкой конницей. Боевые качества калмыков были высоко оценены и приведены в «Летописи Самовидца»: «люди отважные» (с. 231); калмыцкое войско стало составной частью русской армии, «имена Дайчина и Мончака предписывалось обозначать золотыми буквами» (с. 232). Более того в 1660 г. был создан особый Калмыцкий приказ как одно из отделений Посольского приказа (с. 212), впоследствии передан в приказ Казанского дворца и в начале XVIII в. возвращен в Посольский приказ.

Дальнейшее развитие русско-монгольских отношений в 1662–1672 гг. четко определяют выдвижение на первый план третьего сына Дайчина – Мончака, который декабрьскую шерть 1661 г. давал уже единолично от лица всех калмыков (с. 224). Главенствующая роль Мончака была признана и другими ойратскими этнополитическими группировками, в частности дербето-хошутской Кундулен-Убаши (с. 225). Совершенно верный вывод диссертанта о новом раскладе сил, смене политических лидеров и, в конечном счете, недалекого будущего калмыцкого общества, повлекшего «первенствующее положение» торгутского дома, и обеспечил приход к власти старшего сына Мончака – будущего хана Аюку (с. 226). Бесспорной удачей автора следует отметить выявление самых ранних письменных текстов шертей: одна за 1631 г. и две шерти за 1649 г., хотя долгое время считалось, что таковой являлась шерть 1655 г. (с. 193).

Название Третьей главы «Вхождение калмыков в состав Российского государства» обуславливает четко подчеркнуть и выделить в выводах главы этапы вхождения, пусть и условно, в состав России, а именно: образование отдельной этнополитической группировки в Северном Прикаспии; консолидацию власти в руках первенствующего тайши; самопровозглашение Калмыцкого ханства; признание Калмыцкого ханства Россией. Эти основополагающие выводы обозначены в положениях диссертационного исследования, выносимые на защиту (с.10).

В четвертой главе «Российское государство и калмыки в 1672–1700 гг.» освещаются следующие вопросы: русско-калмыцкие отношения в период русско-турецкой войны 1672–1681 гг.; калмыки в системе международных отношений в 1681–1690 гг.; политическое состояние русско-калмыцких отношений в конце XVII века (с. 251–350). Появление на политическом небосклоне новой политической фигуры определило и новые задачи, разрешение которых легло на плечи молодого, но амбициозного, дальновидного – в будущем хана Аюки. Выдвижение во главе калмыцких улусов тайши Аюки закономерно и во многом определили русско-калмыцкие отношения в середине XVII – начале XVIII вв. Неурядицы, неоднократно возникавшие в калмыцком обществе, в принципе позволяли Аюке придерживаться договоренностей, достигнутых еще его отцом – Мончаком (с. 252). На русско-калмыцком съезде в 1673 г. предусматривалось подписание военно-политического соглашения, на котором настаивала калмыцкая сторона (с. 253). Многие вопросы русско-калмыцких отношений были решены положительно, за исключением финансовых. Автор диссертации впервые представил детальный разбор шерти 1673 г., который явился основополагающим в продолжавшейся более полувека политической деятельности Аюки (с. 259). Важным в данной шерти представляется то, что шерть давалась единолично Аюкой как правителя всех калмыков (с. 259), как в свое время и его отец Мончак в 1661 г., но подписывал шерть не Аюка, а его представители как с торгутской стороны, так и дербетской (с. 262). Данная шерть, по мнению В.Т. Тепкеева, имела юридическую силу, поскольку составлена в соответствии с требованиями правовых документов XVII в. Следующая шерть 1677 г. во многом повторяла основные положения шерти 1673 г., однако были и существенные отличия; они касались внешнеполитических связей калмыков, непрямого возврата пленных и соблюдения протокольных процедур приема Аюкой царских посланий (с. 284). Русско-калмыцкие отношения фактически напоминали своеобразный маятник: то миролюбивые, то проблемные. Однако во главу угла всегда

ставились обоюдные интересы.

Интересное наблюдение привел диссертант: как в зависимости от состояния русско-калмыцких отношений в тот или иной период Аюка принимал царских послов – стоя, если отношения были благоприятными, сидя, если имелись проблемы (с. 332). К концу XVII в. русско-калмыцкие отношения принимают характер партнерства. Связано это с приходом к власти Петра I и активизацией внешней политики России (с. 350).

В пятой главе «Россия и Калмыцкое ханство в первой четверти XVIII в.» исследуются проблемы русско-калмыцких отношений в начале XVIII в. и в период образования Астраханской губернии, а также роль Калмыцкого ханства на юге России в 1705–1719 гг. (с. 351–460). Начало XVIII в. ознаменовались важными событиями в Калмыцком ханстве, повлиявшими на последующую жизнь волжских калмыков, а именно внутренняя усобица в ханской семье и последующие события, которые впоследствии рассматривались как «попытка насильственной смены власти» (с. 351). Принимаемые правительством меры к урегулированию семейного конфликта преследовали в том числе цель выяснения реальной поддержки Аюки калмыцкой знатью, а также возможности урегулирования ситуации мирным или силовым путями (с. 356). Как выяснилось, не зря правительство выясняло внутреннюю ситуацию в ханстве: в 1703 г. резко осложнились отношения с башкирами (с. 359), в 1705 г. вспыхнуло астраханское восстание (с. 361), в 1707 г. – булавинское (с. 372). Калмыки во внутренних неурядицах вновь выступили на стороне правительстве, проявляя блестящую тактику (с. 367, 372), как, впрочем, и во внешнеполитических делах. Даже кратковременные сближения с Крымом, по сути, не меняли приверженность калмыков своим обязательствам.

Еще не закончилась русско-турецкая война, к калмыкам в 1712 г. впервые прибыло китайское посольство (с. 394–399). Это событие имело важное политическое значение, прежде всего для волжских калмыков. Как известно, в XVII в. на политической карте Евразии было основано три

государственных образования: Джунгарское (1635–1758) в Джунгарии и Западной Монголии, Хошутское (конец 30-х гг. XVII в.) – в Кукуноре, Калмыцкое (сер. XVII – 1771) – в Нижнем Поволжье. Прибытие к калмыкам столь представительной делегации с грамотой от цинского императора Канси, несомненно, поднимало значимость и статус Аюки не только в глазах соплеменников, но и российских властей. Как верно сказано в «Истории Калмыкии...», посещение калмыков представителями Цинской империи – это «вершина отношений Калмыцкого ханства и Поднебесной»².

Образование Астраханской губернии в 1717 г. явилось своего рода «плацдармом дальнейшего продвижения российских интересов на Кавказ и Среднюю Азию», калмыцкие дела передавались от казанского губернатора астраханскому. В инструкции полковнику и астраханскому губернатору А.П. Вольинскому «Об управлении вверенной ему губернии» особо отмечено, помимо «доброто и ласкового обхождения», тщательно отслеживать любые связи с иностранными правителями (с. 427). Как и в XVII в., в первой четверти XVIII в. беспокойная внешнеполитическая и внутренняя обстановка, обусловили продолжение использования калмыков как военной силы для решения стратегических задач, а также сохранения целостности огромной территории и охраны южных границ.

В заключении автор диссертации подводит итоги своего исследования и делает выводы.

К высказанным в отзыве замечаниям следует отметить, что необходимы пояснения устаревших слов: уздень (с. 233), полуголанка, мажжера (с. 339), калга (с. 345), пицаль (с. 352), ярыжка (с. 374), «вдругорядь» (с. 449). Это же касается: *калм.* «Зов» (Зуу – Тибет) (с. 354), *тур.* сераскер (с. 425); необходимы пояснения: «желтые калмыки» (с. 64), «черные калмыки» (с. 64, 275), «пегие калмыки» (с. 65), «белые калмыки» (с. 70), «бузовые калмыки» (с. 375).

Встречаются накладки технического порядка: «Когда Голицын

---

²История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т.1. Элиста: ИД «Гэрэл», 2009. С. 373–374.

собрался к себе в лагерь, калмыцкий правитель ввел сыну Гунджабу» (с. 339), «Основная часть калмыцкого войска во главе с Чакдорджабом...» (с. 405), «Как оказалось, кабардинцы трижды в течение этого года направляли посланцев к калмыкам...» (с. 430), торговля играло (с. 63).

Критические замечания, высказанные в отзыве, носят рекомендательный характер и не меняют высокой положительной оценки диссертации. Диссертационная работа В.Т. Тепкеева «Российское государство и калмыки: проблемы политических взаимоотношений в XVII – первой четверти XVIII века» дает представление об авторе исследования как о подготовленном и квалифицированном специалисте, способном решать сложные научно-исследовательские задачи, выстраивать собственную работу, опираясь на существующие исследовательские традиции. Изученный материал позволил диссертанту сделать обоснованные выводы, применимые в различных областях научного знания: истории, политологии, культурологии.

Основные положения, выносимые на защиту, соответствуют целям и задачам диссертации, четко аргументированы и подкреплены источниками, имеют практическую значимость. Текст автореферата соответствует тексту диссертации.

Подводя итоги и давая оценку всему диссертационному исследованию, можно констатировать, что диссертация В.Т. Тепкеева – это оригинальное, самостоятельное научно-квалификационное исследование, содержательное по фактологическому материалу и концептуальным выводам. Диссертант выполнил постановочные цели и задачи, и в этой связи не вызывает сомнений новизна полученных теоретических и практических результатов.

Высказанные замечания в основном носят дискуссионный характер и никак не влияют на общую высокую оценку научной работы.

Диссертация соответствует паспорту специальности 07.00.02 – «отечественная история».

Личный вклад соискателя заключается во введении в научный оборот целого комплекса ранее не использовавшихся архивных источников. На их основе обстоятельно проанализированы политические взаимоотношения Российского государства и калмыков в XVII – первой четверти XVIII века.

Автореферат диссертации и научные публикации соискателя отражают основное содержание диссертации и соответствуют всем требованиям ВАК министерства науки и образования РФ. Положения и выводы диссертации прошли апробацию на российских, международных и региональных конференциях. Текст диссертации полностью соответствуют содержанию опубликованных работ.

Вышеизложенное позволяет сказать, что диссертационное исследование В.Т. Тепкеева «Российское государство и калмыки: проблемы политических взаимоотношений в XVII – первой четверти XVIII века» является самостоятельным, завершенным научным исследованием, в котором решена актуальная задача, имеющая важное научное значение, и соответствует пп. 9–14 Положения «О порядке присуждения ученых степеней», а ее автор – Владимир Толтаевич Тепкеев – заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – отечественная история.

Кеемя Владимировна Орлова

Официальный оппонент
доктор исторических наук

09.00.13 – религиоведение, философская антропология, философия культуры
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Институт востоковедения РАН»,

Отдел Кореи и Монголии,
ведущий научный сотрудник

107031, г. Москва,

Ул. Рождественка, д.12

orlovnk@mail.ru

8-9067260977

Подпись К.К. Орлова
УДОСТОВЕРЯЮ
Ученый секретарь ФГБУН ИВ РАН
А.В. Демченко
«16» август 2020 г.